

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Филиппов Илья Борисович

**Воздействие негативных санкций на политическую коммуникацию в
социальных медиа**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Ахременко Андрей Сергеевич

Москва – 2023

Актуальность исследования

Влияние негативных санкций на различные аспекты политической жизни – ключевой вопрос для ряда предметных областей политической науки. Наблюдаемые эффекты имеют существенные последствия для сценариев реализации государством принуждающего потенциала и их результатов как для правительств, так и для тех, кто может быть объектом санкционного воздействия. Одну из наиболее очевидных ролей влияние санкций играет при рассмотрении взаимосвязи между применением различных негативных санкций по отношению к политическим активистам и дальнейшей динамикой состязательной политики.

Негативные санкции, применяемые представителями охраны правопорядка в ходе протестных акций, не являются чем-то экстраординарным для всех политических режимов. Меры, к которым протестующие прибегают в ходе артикуляции и отстаивания желаемых политических изменений, зачастую оказываются связаны с ограничением прав других граждан, что вынуждает правоохранителей вмешиваться в ход протестных эпизодов даже в признанных либеральных демократиях. Само это вмешательство часто ассоциируется с повышенным риском последующих отложенных форм негативных санкций, так как реакция протестующих на привлечение правоохранителей может приводить к нарушениям законодательства.

Последствия негативных санкций для дальнейшей динамики состязательной политики стали предметом многочисленных исследований. Всплеск активности в изучении этой темы особенно заметен в течение последних 15 лет, возрастание интереса связано с возникновением больших протестных волн на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и западных странах, распространением междисциплинарных исследований, которые в наиболее полной мере позволяют учесть сложность обсуждаемого предмета, появлением доступных эмпирических данных о последних протестных

эпизодах, и, наконец, необходимостью изучать новые, ранее не наблюдавшиеся, аспекты данной взаимосвязи.

Характер этой взаимосвязи не очевиден, потому что эффект негативных санкций может быть разнонаправленным. С одной стороны, негативное воздействие призвано сделать участие в акции более опасным, а значит – более «дорогим» для потенциального протестующего¹. С другой стороны, использование санкций по отношению к протестующим способно усилить агрессивность протестующих и тех, кто им симпатизирует². Эмпирические исследования также не дают однозначного ответа о влиянии санкций на масштабность последующих акций³: исследователи обнаруживали и затухание протеста⁴, и его интенсификацию⁵, и нелинейность данной взаимосвязи⁶.

На уровне индивида эффект санкционного воздействия на протестующих зависит от наличия факта применения санкций в ментальной репрезентации политических событий⁷. Последствия на уровне всего общества зависят от степени распространения информации о санкциях и её характере: санкции, применяемые к участникам протестов, имеют непосредственное влияние только на узкий круг тех, кто им подвержен. При анализе реакции на санкции оказывается полезным разделять «субъективный» («воспринимаемый», существующий в каждом индивидуальном сознании) и

---

¹ Opp K. D., Gern C. Dissident groups, personal networks, and spontaneous cooperation: The East German revolution of 1989 //American sociological review. – 1993. – P. 659-680.

² Ayanian A. H., Tausch N. How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising //British Journal of Social Psychology. – 2016. – Vol. 55. – №. 4. – P. 700-721.

³ Honari A. From ‘the effect of repression’ toward ‘the response to repression’ //Current Sociology. – 2018. – Vol. 66. – №. 6. – P. 950-973.

⁴ Ellefsen R. Judicial opportunities and the death of SHAC: Legal repression along a cycle of contention //Social movement studies. – 2016. – Vol. 15. – №. 5. – P. 441-456; Jämte J., Ellefsen R. The consequences of soft repression //Mobilization. – 2020. – Vol. 25. – №. 3. – P. 383-404.

⁵ Almeida P. D. Waves of protest: popular struggle in El Salvador, 1925-2005. – University of Minnesota Press, 2008. – Vol. 29.

⁶ Brockett C. D., Tarrow S. Political movements and violence in Central America. – Cambridge University Press, 2005; Ellefsen R. The unintended consequences of escalated repression //Mobilization. – 2021. – Vol. 26. – №. 1. – P. 87-108.

⁷ Opp K. D. Theories of political protest and social movements: A multidisciplinary introduction, critique, and synthesis. – Routledge, 2009. – 424 P.

«объективный» («структурный») уровни негативного воздействия⁸. Повышение доступности интернета и социальных медиа по всему миру⁹ дало протестующим и сочувствующим протестному движению возможность распространять свою картину произошедшего дешевле и быстрее. Исследования показывают, что протестующие действительно пользуются описанными возможностями для мобилизации своих сторонников во время протестных акций¹⁰, а распространение информации о протесте в социальных сетях может быть одним из важных драйверов мобилизации протестующих¹¹. Таким образом, реакция социальных медиа на применённые санкции сказывается на дальнейшем развитии протестного движения и является одним из «передаточных механизмов», ответственных за формирование обратной связи между санкциями и протестом. Несмотря на важность описанного механизма, воздействие применения санкций по отношению к протестующим на коммуникацию вокруг протестного движения в социальных сетях остаётся плохо изученным, что создаёт существенную лауну в имеющемся теоретическом описании состязательной политики в XXI-м веке, и составляет **проблему** данного исследования.

---

⁸ Honari A. From 'the effect of repression' toward 'the response to repression' // *Current Sociology*. – 2018. – Vol. 66. – №. 6. – P. 950-973; Kurzman C. Structural opportunity and perceived opportunity in social-movement theory: The Iranian revolution of 1979 // *American Sociological Review*. – 1996. – P. 153-170.

⁹ Individuals using the Internet (% of population) // World Bank. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (Проверено: 06.04.2023);

¹⁰ Howard P. N., Hussain M. M. The role of digital media // *Journal of democracy*. – 2011. – Vol 22. – №. 3. – P. 35-48; Соколов А. В., Палагичева А. В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // *Политическая наука*. – 2020. – №. 3. – С. 266-297; Мамонов М. В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2012. – №. 1 (107). – С. 5-22.

¹¹ Howard P. N., Hussain M. M. The role of digital media // *Journal of democracy*. – 2011. – Vol 22. – №. 3. – P. 35-48; Valenzuela S., Correa T., Gil de Zúñiga H. Ties, likes, and tweets: Using strong and weak ties to explain differences in protest participation across Facebook and Twitter use // *Political Communication*. – 2018. – Vol. 35. – №. 1. – P. 117-134; Lee F. L. F., Chen H. T., Chan M. Social media use and university students' participation in a large-scale protest campaign: The case of Hong Kong's Umbrella Movement // *Telematics and Informatics*. – 2017. – Vol. 34. – №. 2. – P. 457-469; Boyle M. P., Schmierbach M. Media use and protest: The role of mainstream and alternative media use in predicting traditional and protest participation // *Communication Quarterly*. – 2009. – Vol. 57. – №. 1. – P. 1-17.

Разработанность проблемы

Влияние негативных санкций на онлайн-коммуникацию вокруг протестов исследовалось в основном в разрезе эффектов немедленных негативных санкций со стороны правоохранителей, в то время как исследования влияния отложенных форм негативного воздействия на политическую онлайн-коммуникацию не проводились.

Большинство ранних исследований, посвященных взаимосвязи онлайн-коммуникации и состязательной политики сводились к изучению роли новых медиа в разворачивании и развитии протестной активности. Такие исследования пытались определить эффект распространения информации о действиях правительства на интенсивность конкретного протестного эпизода (в основном, на данных по событиям «арабской весны»)¹². Одним из ключевых результатов этого направления является обнаружение двух тенденций. Во-первых, протестующие действительно реагируют на сообщения о применении различных мер принуждения, распространяемые другими протестующими. Во-вторых, протестующие осознанно используют коммуникацию в онлайн-социальных сетях, повышая общую осведомленность о действиях правительства и формируя новую идентичность протестующих – в долгосрочной перспективе, и координируя и мобилизуя своих сторонников – в краткосрочной¹³.

В свою очередь, политические активисты осознают возможности для вовлечения в состязательную политику большего числа людей, создаваемые применением негативных санкций. На материалах об индийской политической жизни описываются даже случаи, когда мнимая эпизодическая жестокость со стороны правоохранителей является темой для фабрикаций

---

¹² Howard P. N., Hussain M. M. The role of digital media //Journal of democracy. – 2011. – Vol 22. – №. 3. – P. 35-48.; Lynch M. After Egypt: The limits and promise of online challenges to the authoritarian Arab state //Perspectives on politics. – 2011. – Vol. 9. – №. 2. – P. 301-310.

¹³ Breuer A., Landman T., Farquhar D. Social media and protest mobilization: Evidence from the Tunisian revolution //Democratization. – 2015. – Vol. 22. – №. 4. – P. 764-792.

недостовверных публикаций, направленных на политическую мобилизацию¹⁴. Анализ публикаций в нигерийских социальных медиа показал, что цифровые активисты могут организовывать в онлайн-пространстве акции, направленные именно против жестокости правоохранительных органов¹⁵. При этом, воспринимаемые или реальные действия органов охраны правопорядка могут быть только поводом для проявления недовольства, который лишь активизирует политическое значение накопившихся противоречий¹⁶.

Наблюдая за социальными движениями в Гонг-Конге, России, Африке и западных странах, исследователи обнаруживают, что социальные сети в состязательной политике играют даже более важную роль, чем просто распространение информации о протестных событиях. В новых медиа происходит конструирование публичного образа негативных санкций и накладывающих эти санкции структур¹⁷, а также осмысление прошедших протестных событий в целом. Социальные сети предлагают протестующим широкие возможности по само-медиации¹⁸ и превращают интернет-пространство в отдельное направление активистской работы: если раньше наиболее заметной активностью участников протестного движения были уличные мероприятия, то теперь основная деятельность протестного движения переместилась в социальные сети. Наблюдатели отмечают

---

¹⁴ Kanozia R. et al. A study on fake news subject matter, presentation elements, tools of detection, and social media platforms in India //Asian Journal for Public Opinion Research. – 2021. – Vol. 9. – №. 1. – P. 48-82.

¹⁵ Iroulo L. A Weapon of the Weak: Fighting Police Brutality through Social Media // Hamburg: German Institute for Global and Area Studies (GIGA). – 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/a-weapon-of-the-weak-fighting-police-brutality-through-social-media> (дата обращения 23.02.2023).

¹⁶ Aniche E. T., Iwuoha V. C. Beyond police brutality: Interrogating the political, economic and social undercurrents of the# EndSARS protest in Nigeria //Journal of Asian and African Studies. – 2022.

¹⁷ Clark M. D., Bland D., Livingston J. A. Lessons from# McKinney: Social media and the interactive construction of police brutality //The Journal of Social Media in Society. – 2017. – Vol. 6. – №. 1. – P. 284-313; Lawrence R. G. The politics of force: Media and the construction of police brutality. – Oxford University Press, 2022.

¹⁸ Cammaerts B. Technologies of self-mediation: Affordances and constraints of social media for protest movements //Civic engagement and social media: Political participation beyond protest. – 2015. – P. 87-110.

гибридную природу данной «цифровизации»¹⁹. С одной стороны, социальные медиа становятся отдельной площадкой для самостоятельного политического участия и активизма: интернет-пространство позволяет проводить акции со значительной аудиторией и числом участников буквально в нём самом²⁰. С другой стороны, уличные мероприятия по-прежнему являются важной частью протестного репертуара, но их организация, мобилизация участников, координация и информационное освещение проходят при активном использовании социальных сетей²¹. Наконец, выделяется отдельная группа акций, организаторы которых используют взаимопроникновение цифрового и физического пространств, порождая смешанные формы активизма – одновременно цифровые и офлайновые²².

---

¹⁹ Wong S. C., Wright S. Hybrid mediation opportunity structure? A case study of Hong Kong's Anti-National Education Movement // *New Media & Society*. – 2020. – Vol. 22. – №. 10. – P. 1741-1762; Bailo F., Vromen A. Hybrid social and news media protest events: from # MarchinMarch to # BusttheBudget in Australia // *Information, Communication & Society*. – 2017. – Vol. 20. – №. 11. – P. 1660-1679.

²⁰ Candón-Mena J., Montero Sánchez D. From cyber-activism to technopolitics: A critical take on historical periods and orientations in the use of digital technology by social movements // *International Journal of Communication*. – Vol. 15. – 2021. – P. 2921-2941; Lee F. L. F., Chan J. M. Media and protest logics in the digital era: The Umbrella Movement in Hong Kong. – Oxford University Press, 2018. – 288 P.; Lee A. Invisible networked publics and hidden contention: Youth activism and social media tactics under repression // *New Media & Society*. – 2018. – Vol. 20. – №. 11. – P. 4095-4115; Bailo F., Vromen A. Hybrid social and news media protest events: from # MarchinMarch to # BusttheBudget in Australia // *Information, Communication & Society*. – 2017. – Vol. 20. – №. 11. – P. 1660-1679; Iroulo L. A Weapon of the Weak: Fighting Police Brutality through Social Media // Hamburg: German Institute for Global and Area Studies (GIGA). – 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/a-weapon-of-the-weak-fighting-police-brutality-through-social-media> (дата обращения 23.02.2023).

²¹ Breuer A., Landman T., Farquhar D. Social media and protest mobilization: Evidence from the Tunisian revolution // *Democratization*. – 2015. – Vol. 22. – №. 4. – P. 764-792; Manacorda M., Tesei A. Liberation technology: Mobile phones and political mobilization in Africa // *Econometrica*. – 2020. – Vol. 88. – №. 2. – P. 533-567; Hill T., Canniford R., Millward P. Against modern football: Mobilising protest movements in social media // *Sociology*. – 2018. – Vol. 52. – №. 4. – P. 688-708; Jost J. T. et al. How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks // *Political psychology*. – 2018. – Vol. 39. – P. 85-118; Lee F. L. F., Chan J. M. Media and protest logics in the digital era: The Umbrella Movement in Hong Kong. – Oxford University Press, 2018. – 288 P.; Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2019. – Т. 9. – №. 6. – С. 100-110.

²² Wong S. C., Wright S. Hybrid mediation opportunity structure? A case study of Hong Kong's Anti-National Education Movement // *New Media & Society*. – 2020. – Vol. 22. – №. 10. – P. 1741-1762; Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. "Пересборка митинга": Интернет в протесте и протест в интернете // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2018. – №. 1 (143). – С. 12-35; Ним Е. Г. «Игрушко митингуэ»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // *Журнал исследований социальной политики*. – 2016. – Т. 14. – №. 1. – С. 55-70. Архипова А.С. признана физическим лицом, исполняющим функции иностранного агента.

Количественные исследования взаимосвязи онлайн-коммуникации и социальных движений в основном направлены на изучение влияния онлайн-активности на офлайн события и процессы. Такие работы включают в себя те, которые изучают влияние социальных сетей на численность конкретного протестного эпизода и те, которые исследуют роль социальных медиа в возникновении митингов как таковых. На материалах «арабской весны» было показано, что сами по себе децентрализованные процессы в социальных сетях могут влиять на масштабы последующих протестов независимо от традиционных медиа и элит²³. Положительное влияние проникновения социальных сетей на протестную активность было показано на материалах регионов России²⁴, стран Африки²⁵, и Латинской Америки²⁶.

Таким образом, на данный момент имеются свидетельства того, что негативные санкции могут иметь влияние на коммуникацию в социальных сетях, а коммуникация в социальных сетях имеет сложные взаимосвязи с состязательной политикой и социальными движениями. Исследование коммуникативных последствий применения негативных санкций оказывается необходимо и для дальнейшего уточнения взаимосвязи между динамикой состязательной политики и негативными санкциями, и для корректного описания деятельности социальных движений в условиях медиатизации.

Операционализация используемых понятий

Ключевым понятием в данном исследовании является политическая коммуникация. Под политической коммуникацией далее будут пониматься публичные высказывания, посвящённые обсуждению политических явлений и в пределе направленные на изменение политического контекста (по крайней

---

²³ Steinert-Threlkeld Z. C. et al. Online social networks and offline protest //EPJ Data Science. – 2015. – Vol. 4. – №. 1. – P. 1-9.

²⁴ Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social media and protest participation: Evidence from Russia //Econometrica. – 2020. – Vol. 88. – №. 4. – P. 1479-1514.

²⁵ Manacorda M., Tesei A. Liberation technology: Mobile phones and political mobilization in Africa //Econometrica. – 2020. – Vol. 88. – №. 2. – P. 533-567.

²⁶ Salzman R. Exploring social media use and protest participation in Latin America //Journal of Latin American communication research. – 2015. – Vol. 5. – №. 2. – P. 72-85.

мере за счёт изменения позиции реципиента сообщения)²⁷. Подробно мы будем исследовать обсуждения протестных эпизодов и негативных санкций по отношению к протестующим, происходившие в социальных сетях. Поэтому, при обсуждении роста числа упоминаний протестных акций в социальных сетях, в данной работе говорится об интенсификации в социальных медиа политической коммуникации как таковой. Использование более узкого термина «протестная коммуникация» является некорректным, так как далеко не все упоминания протестов сопровождаются их поддержкой. Наблюдаемая коммуникация состоит главным образом из высказываний, тех, кто их делает, и тех, кто их воспринимает. Кроме того, важным элементом коммуникации является среда, в которой они происходят. Конкретные эмпирически измеряемые величины, которые анализируются в данном исследовании, включают, таким образом, число высказываний, упоминающих протестные акции (число таких постов в социальных сетях), число прочтений (так как число уникальных читателей недоступно ввиду технических причин), число авторов этих сообщений и число страниц, на которых они размещены. В рассмотрение попадают только публично доступные сообщения: публикации в чатах и закрытых группах для исследователей недоступны (и во многом подчиняются иной логике, так как не направлены на потенциально неограниченный круг читателей²⁸).

Под социальными медиа в данном исследовании понимаются публично доступные цифровые платформы, функционирующие в сети Интернет, и предоставляющие пользователям интерфейс для коммуникации с потенциально неограниченным числом других пользователей этой платформы²⁹. Наиболее значительным примером социальных медиа являются сайты-социальные сети (social network sites). В рамках данного исследования

---

²⁷ McNair B. An introduction to political communication. – Taylor & Francis, 2017.

²⁸ Costa E. Affordances-in-practice: An ethnographic critique of social media logic and context collapse //New media & society. – 2018. – Vol. 20. – №. 10. – P. 3641-3656.

²⁹ Van Dijck J., Poell T., De Waal M. The platform society: Public values in a connective world. – Oxford University Press, 2018.

будут использованы данные, собранные из социальной сети «ВКонтакте», которая является одной из ключевых платформ для коммуникации (в том числе политической) в России и некоторых странах СНГ.

Протестное движение понимается как совокупность акторов и организаций, борющихся за изменение политики правительства в рамках состязательной политики (*contentious politics*³⁰), и их действия. Протестные эпизоды, часто имеющие вид митингов, являются одним из ключевых наблюдаемых проявлений состязательной политики. В эмпирической части данного исследования, будут использованы данные о численности митингов и их темпоральные характеристики.

Под негативными санкциями³¹ понимаются различные виды физических, административных и уголовных мер воздействия на протестующих со стороны государства³². В пределе санкции могут быть практически любыми, от увольнения опознанных протестующих с работы до применения летального насилия. В рамках данного диссертационного исследования мы будем рассматривать влияние немедленных негативных санкций (физического воздействия на протестующих со стороны правоохранителей) и отложенных негативных санкций (уголовное преследование). Таким образом, рассматриваемые негативные санкции

---

³⁰ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of contention // *Social Movement Studies*. – 2003. – Vol. 2. – №. 1. – P. 99-102.

³¹ В англоязычной литературе, посвящённой состязательной политике, понятия «negative sanctions» и «repressions» используются взаимозаменяемо (см. Davenport C. Multi-dimensional threat perception and state repression: An inquiry into why states apply negative sanctions // *American Journal of Political Science*. – 1995. – P. 683-713). В русском языке понятие «репрессии» имеет сильные коннотации с конкретными историческими событиями, не является ценностно нейтральным, поэтому в рамках данной диссертации оно использоваться не будет. Использование понятия «негативные санкции» для общего описания реализации государством принуждающего потенциала не является авторской новацией и укоренено в русскоязычной социологической литературе (см., например, Ледаев В. Г. *Формы власти: типологический анализ* // *Полис. Политические исследования*. – 2000. – №. 2. – С. 6-18.)

³² Беленков В. Е. Влияют ли проникновение интернета и онлайн-цензура на успешность репрессий в противодействии уличной протестной активности в долгосрочной перспективе? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2021. – № 6. – С. 119-144. (In Eng.)

являются одним из возможных типов политического контроля³³, составляя ту его часть, которая связана с принуждающим физическим воздействием, причём только такого, которое реализуется в рамках осуществления государством монополии на применение легитимного насилия.

Исследовательский вопрос данной диссертации состоит в том, как применение различных негативных санкций по отношению к протестующим влияет на политическую коммуникацию в социальных медиа.

Объект исследования – политическая коммуникация в социальных медиа. **Предмет исследования** – влияние негативных санкций по отношению к протестующим на политическую коммуникацию в социальных медиа.

Цель исследования состоит в оценке влияния различных типов негативных санкций по отношению к протестующим на политическую коммуникацию в социальных медиа.

Для ответа на поставленный исследовательский вопрос требуется решить следующие **задачи исследования**.

- 1) Изучить имеющиеся теории трансформации политической коммуникации в условиях медиатизации.
- 2) Изучить имеющиеся теоретические наработки об использовании социальных медиа в рамках развития протестных движений.
- 3) Изучить имеющиеся теоретические и эмпирические свидетельства о влиянии негативных санкций на протестную активность.
- 4) Сформулировать теоретическую модель влияния негативных санкций на политическую коммуникацию в социальных сетях, на её основе выработать гипотезы о наблюдаемых последствиях применения различных типов негативных санкций для политической коммуникации в социальных медиа.

---

³³ Hassan M., Mattingly D., Nugent E. R. Political control //Annual Review of Political Science. – 2022. – Vol. 25. – P. 155-174.

- 5) Определить подходящий эмпирический материал для проверки предсказаний теоретической модели на данных, собрать базу данных.
- 6) Проверить гипотезы, сформулированные на основе теоретической модели, используя собранные данные.

Необходимость выполнения данных задач накладывает определённые требования на **эмпирическую базу** исследования. Эмпирический материал должен предоставлять данные о политической коммуникации в социальных медиа, протекающей в ходе обсуждения нескольких сопоставимых политических событий, в ходе которых наблюдалась вариация в использовании негативных санкций, а остальные факторы были либо фиксированы, либо оставляли возможность для осуществления контроля со стороны исследователя. Таким образом, оптимальный материал для исследования – это коммуникация, возникающая в ходе обсуждения какой-либо серии протестных акций, которая

- охарактеризовалась различными стратегиями сил охраны правопорядка в рамках различных эпизодов, разнесённых во времени,
- прошла относительно компактно во времени (чтобы исключить влияние изменения как характеристик медиа-среды, так и различных аспектов политической системы) и в пространстве (чтобы исключить вариацию, вызванную географическими и демографическими различиями в динамике протестной мобилизации),
- имела один набор организационных структур (чтобы исключить влияние различий в медиа-возможностях и медиа-стратегиях социальных движений-организаторов),
- проходила уже после широкого распространения социальных сетей.

Данным требованиям, а также требованиям доступности данных для российских исследователей, отвечает серия протестных акций, прошедших в Москве в июле-августе 2019-го года, и коммуникация в социальной сети

«ВКонтакте» вокруг неё. Этот временной период включает в себя четыре протестных акции в Москве (20 и 27 июля, 3 и 10 августа 2019 года). Повестка протестного движения была локальной, сами уличные мероприятия проходили в сжатый период времени, а организаторы у акций были одними и теми же. Уровень проникновения социальных сетей в 2019 году в России был высок, причем, в отличии от, например, 2012 года – среди разных возрастных категорий³⁴. При этом четыре протестных эпизода прошли с разной интенсивностью применения негативных санкций: одна акция закончилась без задержаний и применения мер физического воздействия, две акции охарактеризовались активным вовлечением правоохранителей и ещё одна – ограниченной активностью сил охраны правопорядка. Кроме того, некоторые события протестных эпизодов были квалифицированы следственными органами как нарушение российского законодательства, в результате чего к некоторым протестующим были применены меры отложенных негативных санкций. Благодаря именно такому стечению факторов, на материалах этой протестной серии можно в условиях, близких к естественному эксперименту, рассмотреть влияние на интернет-коммуникацию как мгновенных (физических) негативных санкций, так и отложенных форм санкционного воздействия.

Для сбора данных использовалась социальная сеть «ВКонтакте». Выбор социальной сети продиктован её популярностью в России, большим количеством обычно не вовлекающихся в политическую коммуникацию пользователей (что означает, что в этой социальной сети можно ожидать вариацию в числе вовлечённых пользователей), и отсутствием стойкой ассоциации с каким-либо социальным движением. «ВКонтакте» – это площадка для внутривнутриполитической коммуникации, где все включенные в политическую коммуникацию тексты адресованы именно согражданам.

---

³⁴ Оценку распространённости использования социальной сети ВКонтакте в 2019 году можно найти в Ахмаева Л. Г. Влияние возрастной и гендерной специфики пользователей социальных сетей в России на методы маркетинга и рекламы //Цифровая социология. – 2020. – Т. 3. – №. 3. – С. 21-28.

Другая популярная платформа для политической коммуникации, Telegram, менее широко использовалась в 2019 году³⁵ и не предоставляет возможности для анализа всех публично доступных сообщений.

Список ключевых слов, по которым фильтровалась коммуникация за рассматриваемый период, включает в себя основные упоминания митингов как таковых и упоминания санкционных мер («московское дело», фамилии обвиняемых). Все отобранные сообщения дополнительно подвергнуты фильтрации по дополнительному списку слов-маркеров (исключались упоминания не-московских топонимов и так называемых «обманутых дольщиков»), чтобы исключить туда попадание упоминания других протестных акций. Всего таким образом было собрано около 425 тысяч сообщений. Временной период, за который собирались данные, ограничен 20 июля – 12 августа 2019 года для корпуса упоминаний митингов и 27 июля 2019 года – 1 марта 2020 года для корпуса упоминаний отложенных негативных санкций.

Методы анализа, используемые в данной диссертации, включают в себя сравнительный и статистический анализ, а также машинные методы анализа естественного языка с помощью векторных представлений слов³⁶. Сравнительный и статистический анализ проводятся в условиях, близким к условиям естественного квазиэксперимента: подбор эмпирического материала выполнен таким образом, что влияние экзогенных факторов на различия в зависимых переменных контролируется или исключено. Таким образом, используемые методы позволяют добиться высокой внешней и внутренней валидности исследования.

Теоретическая рамка исследования

---

³⁵ Данные за предшествующий 2018 год можно найти в Телеграм, прощай! // ВЦИОМ. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telegram-proshhaj> (Проверено: 06.04.2023);

³⁶ Стукал Д. К., Беленков В. Е., Филиппов И. Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. – 2021. – №. 1. – С. 46-75.

Принципиальная мотивация данного исследования описывается теорией медиатизации, подразумевающей трансформацию политических и социальных процессов под давлением институционализированных технологий массовой коммуникации³⁷. В рамках данного подхода медиатизация понимается как «исторический процесс, в ходе которого медиа становятся все более влиятельными во всё более широком круге аспектов частной и общественной жизни, а институционализированные технологии массовой коммуникации наращивают свой объём и влияние»³⁸. При этом, отмечается, что характер связи медиа и «более широкого круга аспектов частной и общественной жизни» является двухсторонним. Изменение имеющихся взаимосвязей приводит к тому, что значительная часть социальной и политической жизни оказывается связана с цифровыми платформами-посредниками и либо расширяется за онлайн-пространства, либо полностью переносится в него. Традиционные формы политического участия дополняются и подкрепляются новыми формами онлайн-активизма. В целом, процессы, описываемые теорией медиатизации приводят к общему усилению рефлексивности – числа и силы обратных связей, и появлению предметных полей, как полностью новых, так и связанных с уже изучаемыми проблемами политической науки.

Медиатизацию как трансформацию социальных процессов следует отличать от медиации как набора практик, посредством которых конкретные индивиды, организации и движения включаются в потоки медиа-циркуляции

---

³⁷ Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. – John Wiley & Sons, 2018; Livingstone S. Audiences in an age of datafication: critical questions for media research // *Television & New Media*. – 2019. – Vol. 20. – №. 2. – P. 170-183; Fornäs J. Culturalizing mediatization // *Mediatized worlds*. – Palgrave Macmillan, London, 2014. – P. 38-53.

³⁸ Livingstone S. Audiences in an age of datafication: critical questions for media research // *Television & New Media*. – 2019. – Vol. 20. – №. 2. – P. 170-183; Fornäs J. Culturalizing mediatization // *Mediatized worlds*. – Palgrave Macmillan, London, 2014. – P. 38-53.

и медиа-производства, получая через различные медиаторы доступ к публичной сфере³⁹.

Теоретическая модель, представленная в данном исследовании, состоит из двух основных компонент: первая описывает политическую коммуникацию в социальных сетях как таковую, вторая – стимулы к участию в цифровых формах политического активизма. Первая компонента во многом опирается на теорию гибридной медиа-системы (hybrid media system)⁴⁰, которая исследует трансформацию системы коммуникации в условиях медиатизации. Этот подход утверждает, что в текущих условиях наблюдается смешение традиционных и цифровых форм коммуникации, укоренение традиционных институционализированных медиа на новых цифровых платформах коммуникации и смешение политической и медийных сфер общества. Это положение позволяет с успехом анализировать коммуникативное пространство, в котором соседствуют цифровые издания крупных медиа и нишевые «микро-медиа» и дискуссионно-развлекательные сообщества, поддерживаемые энтузиастами. Неудивительно, что язык описания, предложенной данной теорией, с успехом применяется для описания политической коммуникации вокруг крупных протестных движений⁴¹.

Вторая компонента опирается на социально-психологические исследования и интегративную модель SIMCA (Social Identity Model of Collective Action), которая описывает структуру мотивации для участия в коллективном действии (и, в том числе, состязательной политики)⁴². Тремя основными составляющими этой мотивации являются идентичность,

---

³⁹ Mattoni A., Treré E. Media practices, mediation processes, and mediatization in the study of social movements //Communication theory. – 2014. – Vol. 24. – №. 3. – P. 252-271.

⁴⁰ Chadwick A. The hybrid media system: Politics and power. – Oxford University Press, 2017. – 256 P.

⁴¹ Например, в Гонк-Конге. См. Wong S. C., Wright S. Hybrid mediation opportunity structure? A case study of Hong Kong's Anti-National Education Movement //New Media & Society. – 2020. – Vol. 22. – №. 10. – P. 1741-1762.

⁴² Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives //Psychological bulletin. – 2008. – Vol. 134. – №. 4. – P. 504.

субъективная несправедливость и воспринимаемая эффективность участия (вера в успех)⁴³. Если теоретические модели политического участия, опирающиеся главным образом на рациональные соображения индивидов и структуру возможностей, зачастую трудно переносимы для описания цифровых форм политического участия (так как динамика и соотношение рисков и возможностей оказываются принципиально иными), то аффективные и идентичностные составляющие мотивации могут быть «оцифрованы» без подобных проблем.

Гипотезы исследования составляют следующие предположения:

Гипотеза 1.

При обсуждении политических событий, прошедших с применением негативных санкций, будет наблюдаться общая интенсификация публикационной активности в рамках политической коммуникации: рост числа публикаций, сделанных и от лица обычных пользователей, и от лица сообществ, рост числа уникальных авторов и рост средней активности каждого автора.

Гипотеза 2.

При обсуждении политических событий, прошедших с применением немедленных негативных санкций, будет наблюдаться сокращение долей числа публикаций и пользовательских просмотров, приходящихся на стабильно политизированные сообщества (сообщества, участвовавшие в каждом рассмотренном обсуждении).

Гипотеза 3.

---

⁴³ В русскоязычной традиции обычно используется понятие «самоэффективности». См. Ахременко А.С., Петров А.П. Гнев, идентичность или вера в успех? Динамика мотивации и участия в белорусских протестах 2020 года //Полис. Политические исследования. – 2023 . – № 2. – С. 140.

При обсуждении политических событий, прошедших с применением негативных санкций, будет наблюдаться рост числа комментариев к оригинальным публикациям.

Гипотеза 4.

При обсуждении политических событий, прошедших с применением немедленных негативных санкций, будет наблюдаться рост числа публикаций-ответов.

Гипотеза 5.

При обсуждении политических событий, прошедших с применением немедленных негативных санкций, будет расти число публикаций-ответов в сообществах, не включённых в политическую коммуникацию их администраторами (их доля будет увеличиваться).

Гипотеза 6

Влияние отложенных форм негативных санкций на число и долю публикаций-ответов будет ниже, чем влияние немедленных санкций.

Гипотеза 7

Динамика числа публикаций, посвящённых применению отложенных форм негативных санкций, зависит в первую очередь от числа и качества информационных поводов, сопряжённых с применением отложенных форм негативных санкций.

Положения, выносимые на защиту

1. Негативные санкции по отношению к протестующим влияют на интенсивность и особенности политической коммуникации в социальных сетях. При этом разные типы негативных санкций имеют различное влияние на коммуникацию, обстоятельства их применения также имеют значение.

2. Немедленные негативные санкции приводят к ситуативной интенсификации политической коммуникации, причём эта интенсификация происходит как за счёт расширения числа включённых в коммуникацию площадок, так и за счёт активизации уже включённых пользователей.
3. Применение немедленных негативных санкций во время протестного эпизода, способствует применению механизма комментариев для вовлечения в политическую коммуникацию сообществ, администраторы которых не размещали публикации, посвящённые протестной тематике.
4. Негативные санкции являются одним из факторов, способствующих интенсификации политической коммуникации, но даже при обсуждении протестных акций они не являются ни единственным, ни наиболее важным фактором активности пользователей: численность прошедших мероприятий не менее важна.
5. Применение отложенных негативных санкций не приводит к заметной на фоне общего обсуждения митингов интенсификации коммуникации, но обсуждение, как и сам информационный повод, имеет более долговременный характер. При этом рост политического участия в социальных сетях не наблюдается.
6. Особенности конкретного эпизода применения отложенных негативных санкций влияют на реакцию социальных сетей: чем меньше информационных поводов создаётся по ходу их применения, и чем более пассивной выступает (в том числе в медийном плане) сторона защиты, тем менее заметным будет медийное освещение.

Научная новизна данного исследования

1. Предложена авторская теоретическая модель влияния негативных санкций на политическую коммуникацию. Предложенная модель

использована для формулирования гипотез, подтвердившихся на эмпирических данных.

2. Разработана авторская методология сравнительного анализа потоков политической коммуникации, посвящённой разным событиям.
3. Впервые рассмотрено влияние различной интенсивности применения немедленных негативных санкций на последующую политическую коммуникацию при контроле внешних факторов.
4. Впервые на российском материале рассмотрено влияние отложенных форм негативных санкций на политическую коммуникацию.
5. Впервые проведено сравнение коммуникативных последствий применения различных типов санкций.
6. Впервые исследовано влияние негативных санкций на политическую коммуникацию на различных типах доступных пользователям площадок.

Практическая значимость

Во-первых, данная работа будет полезна для лиц, принимающих решения о реакции правоохранителей на протестные эпизоды. Задача охраны правопорядка включает в себя необходимость сбалансировать негативные последствия, возникающие из-за нарушений законодательства в текущий момент времени, и возможные долговременные последствия для правопорядка и общественного спокойствия. В рамках данного исследования показывается, что некоторые стратегии, хотя и приводят к немедленному прекращению правонарушения, могут приводить к созданию общественного напряжения, которое в ином случае не возникло бы. Во-вторых, для эффективного решения задач медиа-аналитики и мониторинга общественного мнения важно заранее понимать, какие общественные события могут привлечь повышенное внимание в медиа. Результаты данной работы позволяют делать предсказания о заметности протестных эпизодов в повседневной онлайн-коммуникации в зависимости от различного характера протекания уличных

событий. В-третьих, используя выводы данной диссертации, при актуализации состязательной политики органы государственной власти могут заранее готовить свою медиа-политику к реакции социальных сетей на возможные действия со стороны сил охраны правопорядка.

Апробация результатов исследования проводилась в следующих публикациях:

1. Ахременко А.С., Филиппов И.Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200-225.
2. Филиппов И.Б. Симметричный ответ: силовое подавление акций протеста как драйвер политической коммуникации в онлайн-сетях // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2020. Т. 105. № 2. С. 24-48.
3. Филиппов И.Б. «Московское дело» как фактор активности протестной коммуникации в социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 530-544.
4. Филиппов И.Б. Количественные текстовые характеристики как фактор успешности продвижения публикаций в рамках протестной коммуникации в социальных сетях // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 249-268.
5. Стукал Д.К., Беленков В.Е., Филиппов И.Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 46-75.

Конференции:

1. XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Доклад «Применение

негативных санкций к протестующим как фактор интенсивности политической коммуникации в социальных сетях», 22 апреля 2021 г.

2. ICA Regional Conference 2022 Computational Communication Research in Central and Eastern Europe. Доклад «Symmetrical Answer: Police Suppression of Protest Episodes as a Driver of Political Communication in Social Media», 27 июня 2022 г.

Научный семинар:

1. Научный семинар аспирантской школы по политическим наукам НИУ ВШЭ. Доклад «Влияние полицейского насилия в отношении протестующих на коммуникацию вокруг протестного движения в социальной сети Вконтакте в 2019 году», 26 января 2022 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 20-311-90078 «Влияние применения негативных санкций в отношении протестующих на коммуникацию вокруг протестного движения в социальных медиа».

Сжатое изложение основного содержания исследования

Глава 1 диссертации посвящена *теоретическим аспектам изучения связи между социальными движениями и политической коммуникацией в социальных сетях*. В параграфе 1.1 описываются ключевые последствия распространения социальных медиа для политической коммуникации и утверждается необходимость учитывать происходящие трансформации в коммуникативной сфере для полноценного описания состязательной политики. Распространение социальных медиа приводит к трём основным сдвигам в политической коммуникации, которые приводят к изменениям в состязательной политике. Во-первых, происходит снижение транзакционных издержек на поддержание коммуникации, причём как внутренней, так и направленной вовне конкретного социального движения. Во-вторых, наблюдается рост политической поляризации. Наконец, уменьшается влияние

фальсификации предпочтений. Эти сдвиги приводят к таким изменениям в состязательной политике, которые отмечаются исследователями на макроуровне на эмпирическом материале по протестным событиям на Ближнем Востоке, различных странах Африки и регионах России. Эти же изменения фиксируются качественными методами, при анализе описания протестующими протестных событий.

В параграфе 1.2 предложено использование теории медиатизации и возникшей в её рамках более специализированной теории гибридной медиа-системы (hybrid media system) как теоретической основы для анализа изменений в состязательной политике, вызванных трансформациями коммуникативной среды. Теория гибридной медиа-системы рассматривает политическую и медийных сферы общества как взаимосвязанные и на уровне процессов, и на уровне механик, даёт чёткие предсказания иерархии и взаимодействия различных типов акторов в интернет-коммуникации, и указывает на роль механизмов-посредников, медирующих взаимодействие между этими акторами. В ходе параграфа показано, что наработки описанных теорий уже были необходимы для объяснения и описания трансформаций в состязательной политике в Гонг-Конге.

В параграфе 1.3 описывается политическое участие в социальных сетях. Предлагается описание социальных сетей как пространства для политической коммуникации и политического участия, в ходе которого детально описываются механики взаимодействия между акторами в социальных сетях. Показывается, что алгоритмы социальных сетей опосредуют действия акторов, и задают рамку, в которой они происходят. В конце параграфа формулируется основная часть теоретической модели исследования, описывающая взаимовлияние политической коммуникации и политического участия в социальных сетях.

В параграфе 1.4 представлен обзор эмпирически наблюдаемых особенностей, которые присущи политической коммуникации в социальных

медиа и привнесены туда именно за счёт опосредования пользовательских взаимодействий специфическими алгоритмами. Две основные выделенные особенности включают в себя гомофилию и наличие существенного неравенства в коммуникативной эффективности между разными пользователями (и разными типами пользователей).

Глава 2 диссертации посвящена *теоретическим аспектам медиатизации негативных санкций*. В параграфе 2.1 рассматриваются различные типы негативных санкций, описываются их особенности и основные известные последствия для динамики состязательной политики. Указывается, что в дальнейшем будут рассматриваться немедленные и отложенные негативные санкции, направленные на самих участников состязательной политики.

Параграф 2.2 кратко описывает предсказания основных теорий состязательной политики о последствиях негативных санкций для дальнейшей динамики состязательной политики, делается вывод о том, что данные теории не дают единого непротиворечивого предсказания. Теоретическая неопределённость предсказания усиливается данными эмпирических исследований, которые также фиксируют различные сценарии, следующие за применением негативных санкций.

Параграф 2.3 описывает социально-психологические последствия применения негативных санкций. Наряду с возрастанием воспринимаемых рисков участия в состязательной политике, фиксируются два основных последствия применения негативных санкций: возникновение или усиление гнева и возникновение восприятия политического участия как морального долга. Оба эти antecedentes положительно влияют на принятие решения о политическом участии и снижают роль рациональных факторов, что особенно важно в контексте политического участия в ситуации, когда негативные санкции уже произошли. В конце параграфа социально-психологический подход и опирающаяся на него модель SIMCA используются для детализации

фрагмента теоретической модели исследования, описывающий влияние внешних событий (негативных санкций) на политическое участие.

В параграфе 2.4 описываются теоретические и эмпирические свидетельства о важности социальных сетей в опосредовании эффектов негативных санкций на дальнейшую динамику состязательной политики, а также эмпирические свидетельства трансформации политической коммуникации в социальных сетях в результате применения негативных санкций в ходе событий уличного протеста. После этого фрагменты теоретической модели из параграфов 1.3 и 2.3 объединяются в единую теоретическую модель, которая используется для выработки гипотез о влиянии негативных санкций на политическую коммуникацию.

Глава 3 посвящена *эмпирическому анализу влияния негативных санкций на политическую коммуникацию*. В рамках данной главы были проверены гипотезы, сформулированные по итогам первых двух глав диссертации. Параграф 3.1 посвящён обоснованию обсуждения в социальной сети «ВКонтакте» серии митингов, прошедших в Москве с 20 июля 2019 года по 10 августа 2019 года, как эмпирической базы исследования. Было показано, что выбор данной серии продиктован её свойствами, которые позволяют именно на материалах обсуждения данной протестной серии оценить воздействие негативных санкций на коммуникацию наиболее точно и полно, а выбор социальной сети для анализа продиктован её уникальным положением среди остальных социальных сетей, используемых в России, и полнота предоставляемых исследователям данных.

Параграф 3.2 включает в себя описание стратегии проверки выдвинутых гипотез на собранных данных.

В параграфе 3.3 представлено общее описание собранных данных, используемых для анализа влияния немедленных санкций, демонстрируется их валидность с помощью метода векторного представления слов (одного из

современных методов машинного анализа текстов) и обосновывается дальнейшее раздельное рассмотрение корпуса ответов и корпуса комментариев.

Параграф 3.4 посвящён проверке гипотез 1, 2 и 3. Для этого был рассмотрен корпус оригинальных публикаций, сделанных обычными пользователями и сообществами. Было показано, что применение немедленных негативных санкций при сопоставимой численности акций приводит к росту числа включённых в политическую коммуникацию сообщений, публикуемых обоими типами авторов. Аналогичным образом, растёт число вовлечённых авторов. При этом среднее число публикаций растёт только для авторов-сообществ (**приложение 1**). Таким образом, гипотеза 1 подтвердилась практически полностью. Кроме того, было показано, что при обсуждении акций, прошедших с применением негативных санкций, собранные публикации получили большее число комментариев и в абсолютных значениях, и в пересчёте на один пост (**приложение 2**). Таким образом, гипотеза 3 подтвердилась полностью.

Проверка гипотезы 2 потребовала выделить подвыборку публикаций, которые были сделаны сообществами, которые обсуждали каждую из рассматриваемых акций (**приложение 3**). На эти сообщества приходится около половины всех опубликованных сообщений и более половины всех зафиксированных прочтений. Было выявлено, что при прочих равных, негативные санкции приводят к снижению их роли в коммуникации: снижается и доля публикаций, и доля просмотров. Таким образом, гипотеза 2 подтвердилась.

Параграф 3.5 посвящён рассмотрению подвыборки публикаций-ответов и, соответственно, проверке гипотез 4 и 5 (**приложение 4**). В начале параграфа было показано, что несмотря на сравнительно невысокую долю публикаций-ответов в общей структуре потребляемого контента, этот тип публикаций предлагает пользователям особые возможности по вовлечению в

политическую коммуникацию нейтральных сообществ. Было показано, при рассмотрении сопоставимых по численности акций число публикаций-ответов, опубликованных при обсуждении акций, прошедших с применением негативных санкций, оказалось существенно повышенным. На всей подвыборке пик числа публикаций-ответов пришёлся на обсуждение одной из акций, прошедшей с применением негативных санкций, даже при том, что в целом это не самая обсуждаемая акция среди рассматриваемых. Гипотеза 4 подтвердилась.

Для проверки гипотезы 5 была рассмотрена подвыборка публикаций-ответов, размещённых как ответы на посты страниц, на которых до размещения этих публикаций протестные акции не упоминались. Такие публикации были названы вовлекающими ответами. Оказалось, что и число, и доля вовлекающих ответов среди всех публикаций-ответов было выше во время обсуждения акций, прошедших с применением негативных санкций. Более того, было показано, что доля сообществ, вовлечённых в политическую коммуникацию с помощью публикаций ответов, была наивысшей при обсуждении таких акций. Таким образом, гипотеза 5 подтвердилась.

В параграфе 3.6 происходила проверка полученных результатов на устойчивость. Проверка была проведена на аналогичных данных, собранных по другому ключевому слову («протест»). Показано, что на этой подвыборке влияние негативных санкций прослеживается даже отчётливее, но так как эта подвыборка более зашумлена неполитическими сообщениями (из-за особенностей употребления слова «протест» в русском языке), более консервативные выводы основной подвыборки используются как основные.

Параграф 3.7 обращается к анализу второго корпуса публикаций, в рамках которого собраны все упоминания фамилий подсудимых по уголовным делам, возбужденным по итогам проведения протестных акций серии, и зонтичного названия данных уголовных дел («московское дело»). На этом корпусе будут проверены гипотезы о воздействии отложенных

негативных санкций на политическую коммуникацию: гипотезы 6 и 7. Было показано, что применение отложенных негативных санкций не приводит к ситуативному росту числа опубликованных сообщений и широкого вовлечения пользователей в коммуникацию не наблюдается. Таким образом, подтвердилась гипотеза 6 (**приложение 5**). Кроме того, было показано, что динамика упоминаний отложенных негативных санкций сильно связана с информационными поводами, которые в ходе длительного процесса имплементации негативных санкций создаются следственными и судебными органами и публичными защитниками обвиняемых (**приложение 6**). Таким образом, подтвердилась гипотеза 7.

В *заключении* диссертационного исследования были кратко обобщены эмпирические находки, сделанные по ходу рассмотрения двух корпусов публикаций из социальной сети «ВКонтакте», предлагает сущностные выводы из количественных наблюдений и показывает роль диссертационного исследования среди различных предметных областей социальных наук. Данная диссертация делает вклад в изучение взаимосвязи протеста и негативных санкций, раскрывая более подробно одно из звеньев обратной связи от негативных санкций к протесту.

Подтверждается, что социальные сети реагируют на применение негативных санкций, и это в целом меняет медийное освещение протестных событий, что создаёт потенциал не-коммуникативных и не-цифровых изменений в ходе состязательной политики.

Кроме того, диссертация делает вклад в изучение цифровизации протестных движений и трансформации состязательной политики в целом в условиях медиатизации. В рамках данной диссертации было показано, что обсуждение митингов в частности и политическая коммуникация целом в социальных сетях имеет двойственную природу: это одновременно часть и коммуникации и политического участия.

Наконец, данная диссертация делает вклад в изучение коммуникации в социальных сетях как таковой, за счёт презентации динамики структуры политической коммуникации, исследования коммуникативных возможностей и иерархии различных типов акторов.

В конце заключения предложено описание ограничений исследования и границ экстраполяции полученных результатов. В качестве принципиальных ограничений исследования названы неполнота данных о политической коммуникации (исследовались подвыборки, собранные по одному ключевому слову), отсутствие эксплицитного контроля за активностью ботов (кроме того, который обеспечивается дизайном эмпирической части) и отсутствие анализа содержания собранных сообщений.

Пределы экстраполяции полученных результатов задаются особенностями рассмотренной серии протестной акции. Результаты данного исследования не могут быть экстраполированы на общества с низким проникновением современных коммуникативных технологий. Кроме того, при рассмотрении коммуникации вокруг более масштабных (не локальных) и длительных протестных серий, может возникать стратегическое поведение акторов в социальных сетях, которое не прослеживается в результатах данного исследования. Наконец, данное исследование не даёт представления о последствиях применения летальных негативных санкций.

Приложение 1. Динамика числа оригинальных публикаций и реакций на них по разным типам авторов

<i>Публикации пользователей</i>						
<i>Дата</i>	<i>Авторы</i>	<i>Посты</i>	<i>Просмотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репосты</i>	<i>Комментарии</i>
Всего	26 986	55 753	9 210 414	343 107	35 464	50 778
2019-07-20	3 746	5 558	1 512 983	61 099	5 606	7 005
2019-07-27	10 792	16 466	2 686 759	97 370	11 528	18 283
2019-08-03	8 905	13 387	1 859 908	67 326	6 992	10 285
2019-08-10	11 923	20 342	3 150 764	117 312	11 338	15 205
<i>Публикации сообществ</i>						
<i>Дата</i>	<i>Авторы</i>	<i>Посты</i>	<i>Просмотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репосты</i>	<i>Комментарии</i>
Всего	11 609	45 284	176 898 481	3 346 890	154 480	581 270
2019-07-20	2 832	5 046	14 947 403	296 044	17 970	43 069
2019-07-27	5 315	12 958	45 624 927	812 958	43 894	183 660
2019-08-03	4 752	10 603	37 791 664	673 866	32 561	132 361
2019-08-10	6 135	16 677	78 534 487	1 564 022	60 055	222 180
Общий итог	38 595	101 037	186 108 895	3 689 997	189 944	632 048

Приложение 2. Динамика коммуникативной успешности постов и активности авторов по разным типам авторов

<i>Публикации пользователей</i>					
Дата	Посты на авторов	Просмотр на пост	Лайки на пост	Репосты на пост	Комментарии на пост
Всего	2,07	165,20	6,15	0,64	0,91
2019-07-20	1,48	272,22	10,99	1,01	1,26
2019-07-27	1,53	163,17	5,91	0,70	1,11
2019-08-03	1,50	138,93	5,03	0,52	0,77
2019-08-10	1,71	154,89	5,77	0,56	0,75
<i>Публикации сообществ</i>					
Дата	Посты на авторов	Просмотр на пост	Лайки на пост	Репосты на пост	Комментарии на пост
Всего	3,90	3906,42	73,91	3,41	12,84
2019-07-20	1,78	2962,23	58,67	3,56	8,54
2019-07-27	2,44	3520,99	62,74	3,39	14,17
2019-08-03	2,23	3564,24	63,55	3,07	12,48
2019-08-10	2,72	4709,15	93,78	3,60	13,32

Приложение 3. Динамика числа и доли публикаций, опубликованных сообществами, обсуждавшими все 4 протестных эпизода

Дата	Авторы	Посты (% от постов сообществ)	Просмотры (% от всего)	Лайки (% от всего)	Репосты (% от всего)	Комментарии (% от всего)
2019-07-20	1148	2 886 (57%)	11 348 087 (69%)	226 858 (64%)	11 975 (51%)	34 010 (68%)
2019-07-27	1148	6 076 (47%)	28 281 980 (59%)	519 798 (57%)	26 141 (47%)	98 916 (49%)
2019-08-03	1148	5 084 (48%)	24 015 412 (61%)	423 360 (57%)	19 612 (50%)	73 387 (51%)
2019-08-10	1148	7 654 (46%)	51 172 364 (63%)	1 036 777 (62%)	34 653 (49%)	116 925 (49%)
Общий итог	1148	21 700 (48%)	114 817 843 (62%)	2 206 793 (60%)	92 381 (49%)	323 238 (51%)

Приложение 4. Сравнительная динамика числа публикаций-ответов в целом и вовлекающих публикаций-ответов

<i>Все ответы</i>							
Акция	Авторы	Ответы	Лайки	Комментарии	Ответы / Авторы	Лайки / Ответы	Комментарии / Ответы
2019-07-20	6 352	8 922	28 430	8 998	1,40	3,19	1,01
2019-07-27	31 180	53 589	233 717	76 539	1,72	4,36	1,43
2019-08-03	24 949	42 010	150 661	51 478	1,68	3,59	1,23
2019-08-10	31 802	51 654	196 552	70 974	1,62	3,81	1,37
<i>Только вовлекающие</i>							
Акция	Авторы	Ответы	Лайки	Комментарии	Ответы / авторы	Лайки / Ответы	Комментарии / Ответы
2019-07-20	3 261	4 022	10 024	3 577	1,23	2,49	0,89
2019-07-27	12 742	18 840	74 813	25 980	1,48	3,97	1,38
2019-08-03	11 452	16 374	46 983	18 275	1,43	2,87	1,12
2019-08-10	12 077	16 895	49 765	21 181	1,40	2,95	1,25

Приложение 5. Упоминания отложенных негативных санкций

	Авторы	Посты	Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
Ответ	964	1 201		3 375	34	1 040
Пользователь	887	1 031		2 513	27	1 021
Сообщество	77	170		862	7	19
Пост	5 655	9 263	30 509 678	431 099	29 527	53 586
Пользователь	1 755	2 598	1 918 906	44 040	4 330	3 428
Сообщество	3 900	6 665	28 590 772	387 059	25 197	50 158

Приложение 6. Динамика упоминаемости негативных санкций по дням

